

УДО КИТТЕЛЬМАНН

Система айсберга

(Текст к выставке и каталогу

“Последняя прогулка по Елисейским полям”, 1995)

ВАДИМ ЗАХАРОВ СЛЫВЕТ ПОЭТОМ среди художников, поэтом мечты, зеркала, двойственности, расслоения. Его загадочная игра с картиной и отражением, со своим ”я“ и с другими выражается, может быть, наиболее точно в следующем его замечании: ”Во всяком случае невозможно уже установить, что было первоначально“. Само по себе постепенное раскрытие его личности как автора оказывается возможным в процессе того, как он последовательно вовлекает в свое произведение реальные и вымышленные персонажи. Кто есть кто и кто что делает? Вот в чем здесь вопрос. Это обстоятельство ведет целенаправленно и в конечном итоге прямым путем в тупик неразрешенности. Мы уже не можем узнать, какую кто создал картину, какую кто написал страницу, какую кто выполняет функцию.

Я познакомился с Вадимом Захаровым в Мюнхене, вскоре после его первого приезда на Запад поздней весной 1989 года. И с тех пор наши пути не расходились. Я всё время искал новых сближений с ним, разговоров с ним, в надежде, что постоянный обмен мнениями позволит мне лучше понять его мышление и его творчество. Но всё же это мне как-то не слишком удается, и как я порою слышу, с другими друзьями дело обстоит также. Ты думаешь шаг за шагом приблизиться к его творчеству, но как только почувствуешь себя уже совсем близко, Захаров уже опять оказывается на несколько шагов впереди на своей герметической территории. Должно быть, есть люди, которые лишь потому меньше ценят его творчество, что устали от безрезультатных попыток разгадать его. Я же ни в коем случае не нахожу это чем-то утомительным; совсем напротив, меня этот процесс окрыляет. Невозможно ведь допустить, чтобы произведение искусства было оставлено в одиночестве, только потому что в нем трудно уловить упорядоченную систему и логику, только потому, что оно предполагает терпеливый поиск понимания. Его значительность как раз и отражается в том, что оно предполагает понимание нами вещей, находящихся *по ту сторону* привычного горизонта знаний. Так и происходит: произведение искусства обладает чем-то вроде морального права, что-то от нас ожидать. И пусть это будет

изменением направления нашего исполненного ожиданий мышления.

Каковы же в действительности "картины" Вадима Захарова? Что скрыто внутри или за разнообразием его художественного творчества? Формирование всякой личности, всякая культура, всякая цивилизация, всякий порядок зависят от наслоений и различий, противоречащих естественному ходу вещей. Но в художественном творчестве Захарова речь идет не столько о выравнивании или примирении противоречий, сколько о полном признании их необходимости. Художественное произведение, лишенное противоречий, есть "ничто", а это значит "всё". К такому произведению трудно подступиться, оно для нас непознаваемо, потому что мы все познаваемы только в противоречиях – мы связаны Днем и Ночью, Верхом и Низом, Теплом и Холодом. Кому-нибудь некая вещь кажется окончательно существующей, другому она кажется чем-то становящимся, изменчивым и непостоянным. И всякое видение, всякий сон, каждая идея и мысль человека приобретает на пути от подсознательного к сознательному тысячи разных интерпретаций, каждое из которых может оказаться верным. Противоречия нашего существования обозначены и истолкованы в творчестве Захарова по-новому, они приобретают, будучи облечены в художественную форму, новое толкование и переоценку. Противоречия здесь проявляются таким образом, что все становится сомнительным и заколеблется общепринятое, предоставляя нам стать свидетелями неразрешимости этих самых противоречий.

Творчество Вадима Захарова в целом не поддается даже при близком рассмотрении однозначной и несомненной интерпретации – никогда нельзя быть уверенным, что всё не окажется "совсем по-другому". Тесно связанное с русской традицией, творчество Захарова является не столько предметом для идентификации, сколько предметом идентичности. С самого начала своей художественной деятельности в кругу московских концептуалистов Захаров развивает в своих работах художественный метод, согласно которому "эпизоды" находятся в постоянном взаимодействии, спаяны друг с другом. Так в его работах появляются персонажи – Пират, Человек с хоботом, Садовник (повязка на правой щеке), Карлик (повязка на губах), Мадам Блюз (повязка между глаз), Маркиз, Аида и существующий несколько лет "кельнский" Пастор Зонд, причем каждому персонажу в этом хороводе выпадает определенная функция, задача; все же они могут по ходу развития действия вступать в диалог друг с другом. Это как раз и есть своеобразный тип цитирования и ссылки, лишенный интереса к точности и взаимосвязям, который отличает Захарова от старшего поколения московских концептуалистов. Его творческие процессы подвижны и непостоянны: ни одна работа не остается на своем исконном месте. Перенос художественной деятельности на иную,

собственно говоря, враждебную искусству территорию – будь то, к примеру, выставка в образе парка – есть умышленная замена действительности иллюзией, что характерно для творческого метода московской концептуальной сцены. Такая замена на преднамеренно создаваемую иллюзию обусловлена для Захарова советским опытом жизни: когда по внутреннему своему убеждению ты должен высказаться, но по причинам внешним высказать всего не можешь.

Юмористические сплетения из замаскированных картин, таинственных слов и двусмысленных историй образуют лабиринт. Художественно-повествовательная манера Захарова утверждает взаимосвязь литературы и искусства, что так чуждо западному искусству. При этом в его творчестве, нейтрально и с редкой гармонией, соединяются все известные художественные формы выражения (текст, рисунок, живопись, скульптура, инсталляция, видео-фильмы и компьютерная графика), создавая экспериментальную модель искусства. Вадим Захаров сочетает в себе различнейшие виды деятельности: он художник, архивариус, фото- и видеодокументалист, коллекционер, издатель своего собственного журнала и детской библиотеки. Беспреданно смешивая уровни текста, картины, акции, сцены, фильма, он раскрывается в своей многосторонней деятельности как художник. ”Моя система, – однажды записал он, – это айсберг. Та часть, что под водой, живет, а та, что над водой, развивается в зависимости от первой. Это единый организм“. Причем для Захарова важно, ”что модель может заболеть, как всякий живой организм. Работа становится интересной, когда в ней обнаруживается множество слоев. Некоторые из них, может быть, можно понять, остальные – все-таки нет“. И совсем вскользь, но философски, напоминает художественное творчество Захарова о всё более непостижимом и диффузном состоянии мира. Так что в заключении хочется упомянуть высказывание Франца Кафки о том, что философы всегда обитают там же, где и дети. И если прежде, будучи детьми, мы целиком могли отдаться захватывающей игре в каком-нибудь саду, то теперь, став взрослыми, прогуляемся по прекрасно созданному парку!